

Введение

СОЗДАНИЕ ПРИВАТНОСТИ КАК СФЕРЫ ЗАБОТЫ, ЛЮБВИ И НАЕМНОГО ТРУДА

В периоды радикальных социальных перемен изменяются структуры повседневности, претерпевают изменения гендерные роли, идеологии и практики. Создается новая приватность — новый быт, в котором переопределяется место женщины как центрального агента. И хотя «быт для нас неуловим — мы склонны считать его просто жизнью, естественной нормой практического бытия» (Лотман, 1994: 10), в период изменений быт рефлексивно переопределяется, становится предметом структурных воздействий и переговоров.

Старый и новый быт

В 1923 году Александра Коллонтай писала: «Что быт меняется на наших глазах, признает каждый, кто умеет видеть и наблюдать...» (Коллонтай, 1923: 33). Она выделяла тенденции нового быта трудовой коммунистической республики, связанные с появлением новых классов, женской эмансипацией и новым гендерным контрактом: изменения структуры жилья — распространение общежитий и домов-коммун, развитие общественного питания, облегчающего труд работающих женщин; новый тип отношений между супругами, новые практики любви. Новое устройство должно было прийти на смену буржуазному уюту, создаваемому традиционными женами, и бедности рабочих семей. Новый быт Коллонтай, освобождающий женщину от кухонного рабства, должен был возникнуть в результате общественной государственной заботы. Реализация коммунистического проекта нового быта предполагает, что материнство становится частно-государственным

делом. В перспективе социалистического быта жизнь работающей матери, освобожденной от традиционной семьи и зависимости от мужчин, должна быть выстроена как «контракт» с социалистическим государством. Это предполагает и формирование новых практик сексуальной свободы и сексуального просвещения. Кампания за новый быт ставила своей целью уничтожение буржуазного мира, разрушение прежней приватности и сведение ее лишь к миру чувств и интимно-родительских отношений. Этот проект оказался утопичным. Советское строительство коммунистического нового быта и эмансипация женщины обернулась тройной нагрузкой, сексуальная жизнь надолго была вытеснена за пределы публичного обсуждения.

Проект нового быта, который разворачивается в современной капиталистической России, на первый взгляд прямо противоположен коммунистическому. Он пронизан либеральными ценностями, устремлен к буржуазному быту, строительству частной сферы, комфорту и безопасности, четким мужским и женским ролям, ограждению от вмешательства государства. Родительство становится частным делом семьи, дом возвращает себе ранее утраченные функции и закрывается от внешних вмешательств, мужу предлагается функция добытчика, а женщина занимается управлением домом и семьей. Однако, как мы покажем далее, картина оказывается гораздо более сложной и многообразной.

Сфера быта рассматривается как сфера самореализации женщины, как сфера свободы и укрытие от работы и государства, от «дикой публичности». Однако это и сфера борьбы нового и старого, новых конфликтов, нехватки ресурсов и навыков, недостаточности институциональной и символической поддержки, давления традиционализма. Формирование нового быта обеспеченных классов становится возможным за счет процессов стратификации.

Государство и социально-экономические условия продолжают влиять на частную жизнь, формируя, например, новую демографическую и жилищную политику. Женщины становятся все более требовательными и рефлексивными в своих жизненных стратегиях. Для нового среднего класса домашнее пространство выполняет функцию убежища, демонстрации социального статуса и престижного потребления. Освобождение женщины от избыточного груза домашних забот становится возможным за счет переопределения семейных ролей, коммерциализации домашнего труда, формирования рынка социальных услуг, изменения гендерных идеологий.

Современное строительство приватности принимает разные формы. Мы рассматриваем некоторые составляющие этого процесса — приватизацию домашнего пространства, организацию ухода за домом, выстраивание отношений с партнерами, планирование деторождения, формирование нового родительства и новые тренды сексуальности. Разумеется, многие стороны нового быта остались незатронутыми или затронуты в нашем исследовании в незначительной степени (например, отношения между поколениями, новые виды организации досуга, выбор одежды и продуктов питания, отношение к телу, к здоровью и болезни, дружба и прием гостей, забота о домашних питомцах, отношения с соседями и многое другое).

Границу «быта», или приватной сферы, определить не легко — она является переговальной, проницаемой для внешнего мира, гендерно вариативной и пр. В фокусе нашего исследования — формы организации семейного быта и стиль жизни молодых когорт нового среднего класса, гендерные роли в этом социальном слое.

Приватное как сфера удовлетворения индивидуальных интересов в социальной теории и эмпирических исследованиях зачастую остается остаточной категорией социологического анализа (Weintraub, 1997). Вклад феминизма в развитие социального знания заключается в том, что он восстановил значимость приватного в понимании социальной реальности. В фокус внимания теперь попадают отношения заботы, домашний труд, сексуальность и репродуктивное поведение в гендерной перспективе. Гендерный подход предполагает анализ социального неравенства, встроенный в понимание приватной сферы.

Джо Бейли выделяет три измерения приватного — сферу интимности, формирования личной автономии и бессознательного (Bailey, 2000). Мы концентрируемся на интимности, но переформулируем это понятие с учетом феминистской критики (McCarthy, Edwards, 2001). Интимные отношения и чувства основаны на персонализированном доверии и заботе. Исследователи показывают, что тенденции глобализации и неотрадиционализма приводят к возрастанию значимости приватной сферы в символическом порядке современного общества. При этом приватное формируется как оппозиция публичному. Эта сфера конструируется под влиянием рыночного консюмеризма и тенденции индивидуализации и плюрализации стилей жизни.

Задача этой книги — рассмотреть стратегии по строительству нового быта и его дилеммы. Российские средние классы строят приватность, отделяя себя от других. Происходит это в условиях слабого

социального государства и жестких правил рыночной экономики, в контексте поляризации социальных групп, роста рисков безопасности, повышения рефлексивности людей в отношении рисков. Мы будем изучать лишь некоторые аспекты нового быта. Среди них: 1) идентичность и жизненные стратегии, 2) изменения домашнего пространства, организация домашнего труда, заботы и потребительские практики, 3) новые стратегии репродуктивного и сексуального поведения.

Новый быт и мир чувств

В современном российском контексте общие тенденции индивидуализации, развитие общества риска и рефлексивной модернизации, приведшие к повышению значимости приватного, преломляются в контексте сильного социального расслоения, когда новые практики сочетаются с наследием советских образов социального взаимодействия. Это означает, что разрыв с прошлым предполагает его невольное воспроизводство в новых условиях. Границы приватного и публичного были проницаемыми в советском обществе — государство постоянно вмешивалось в приватную сферу, создавая ограничения индивидуализации и осуществляя контроль, основанный на круговой поруке. С другой стороны, частные отношения пронизывали советское публичное, например, в виде важности дружеских и любовных отношений на рабочем месте в условиях весьма умеренной трудовой нагрузки. Рост рынка, гражданского общества, национального государства — появление публичности — приводит к формированию приватного и интереса к нему. Продвижение ценностей индивидуализма происходит в контексте отказа от советских коллективистских практик (Хархордин, 2002) и советского типа общественного участия (Волков, 1997). Приватность оказывается укрытием, которое пространственно и темпорально ограждает индивида и семью от внешнего мира — от публичности, государства и рынка.

В России реализуется с определенными издержками либеральная модель построения частной сферы, при которой общество представляется не как совокупность различных коллективов и корпораций, а как совокупность индивидов и их семей. Тенденции приватизации и индивидуализации — это основные темы современных постсоциалистических трансформаций.

Конструирование приватности в современном российском обществе (индивидами, семьями, рынком) происходит в контексте изменения социальной политики, когда государство отказалось от многих функций, которые оно выполняло в советское время. При этом государство стремится не утратить полный контроль над частной жизнью граждан, о чем свидетельствует, например, демографическая политика 2000-х гг. Приватность оказывается значимой потому, что включенность в конкуренцию рыночных отношений в современных российских формах истощает силы индивида, институциональное доверие чрезвычайно низко, российское общество может быть описано как общество рисков с высокой степенью неопределенности и новыми угрозами личной безопасности (Бек, 2000; Яницкий, 2004). Период экономических кризисов 1990-х гг. продемонстрировал российскому обществу, что именно семья и близкие социальные сети являются наиболее надежным ресурсом выживания, локусом жизненных стратегий и идентичности. Безопасность, хотя бы относительная, дистанцирование от внешних деперсонифицированных агентов и социальных сил повышают значимость приватности в обществе риска. Частная сфера является важной «визитной карточкой» для родственников и все более тщательно выбираемых друзей. Сфера приватности — это сфера домашнего мира, сфера отношений с «пониманием без слов», это мир доверия, где личность может проявляться в своеобразии вкусов и стилей потребления. В этом мире работа становится заботой, а забота — работой, которую чрезвычайно трудно измерить в определенном эквиваленте. Этот мир ассоциируется с уютом, комфортом, добровольным выбором. Он строится как отгороженный от агрессивного публичного с помощью ресурсов рынка и персонифицированных сетей. Однако приватный мир далек от идеала гармонии отношений, он полон напряжений и пронизан конфликтами. Новый тип семей, где все построено на переговорах, оказывается хрупким и зависит от экономического, социально-политического и культурного контекстов. Граница между приватным и публичным размыта.

Дом среднего класса является «закрытым», т. е. отгороженным от внешнего мира во всех смыслах этого слова. Информанты стремятся сделать жилье закрытым от посторонних людей, от взглядов, звуков и запахов, проникающих в квартиру извне. Доступ в дом или квартиру людей, не являющихся ее обитателями или их близкими, жестко контролируется, а пребывание в квартире таких людей часто рас-

смачивается как проблема. Приватизация сказывается в том, что строится «железный занавес», отделяющий дом-крепость от бурь внешнего мира. Внутри домашнего пространства предпринимаются усилия по реализации проектов защищенности, комфорта, автономии, невмешательства, удовольствия. С другой стороны, для формирования такой приватности необходима коммерциализация домашнего труда. Домашний комфорт покупается за счет нянь и уборщиц. Притом воспроизводится гендерное неравенство и происходит отказ от социализма «с человеческим лицом» и демократических принципов самообслуживания.

Незрелость публичной сферы сказывается и на организации приватной сферы. Нехватка четких процедур и дефицит доверия к социальным институтам часто приводят к тому, что попытки строить новый быт за счет новых рыночных механизмов терпят неудачу. Женщины и мужчины постоянно обращаются к ресурсам социальных сетей для организации ремонта, поиска нянь и уборщиц, надежных врачей и пр. Неформальный труд и неформальные тарифы зачастую оказываются предпочтительными для обеих сторон, они являются более гибкими и более экономически выгодными, однако не содержат гарантий и могут приводить к структурно обусловленным конфликтам.

Надо сказать, что новый средний класс продолжает те тенденции приватизации жизни, которые зафиксированы в исследованиях позднесоветской повседневности. Отмечается рост потребительских ориентаций, индивидуализм и пренебрежение коллективистскими ценностями, что так порицалось официальным дискурсом, предполагающим предпочтение общественного частному. Для новых слоев характерна негативная ориентация на культурные горизонты советского времени. Наши информанты говорят о том, что они не хотят жить по советским стандартам, не хотят пользоваться советской инфраструктурой, не хотят быть «советскими женщинами» и пр. Отказ от советских практик, компенсация советского минимализма и потребительского дефицита приводят иногда к эффекту демонстративного потребления, подчеркиванию различий. Это своеобразная политика идентичности среднего класса связана с формированием домашнего пространства. Новый быт выстраивается как затратная сфера, востребующая ресурсы на оплату жилья, ремонта, обстановки, домашнего труда, воспитания детей, других престижных видов потребления. Новый быт формирует новые институты, которые по-

ставляет рынок. Однако к рыночным институтам существует сильное недоверие, которое компенсируется традиционными системами персонифицированных отношений найма «по знакомству» или «новым благом».

Новая женщина

Развитие капитализма в России влияет на изменение гендерных отношений и основных параметров гендерного контракта. Основной вопрос гендерного контракта — это вопрос о том, кто отвечает за организацию быта (Crompton, 1999; Тёмкина, Роткирх, 2002). В современной России наблюдается устойчивый рост рынка социальных услуг, хотя спрос в этой сфере еще не удовлетворяется предложением. Если советский гендерный контракт опирался на систему государственных учреждений, помощь старшего поколения родственников и социальные сети членов семьи, то в настоящее время все большее распространение получает оплачиваемый домашний труд. Он включает в себя различные виды занятости, основные из них: забота о чистоте и уюте домашнего пространства (о вещах) и забота о детях.

Советский гендерный контракт — это культурный горизонт, с которым наши информанты сопоставляют свой опыт. В их воспоминаниях сочетаются ностальгические ноты — в основном при обращении к памяти о безоблачных контактах с бабушками и дедушками — и реалистическая оценка новых перспектив, которые кажутся нормальными и многообещающими. Контрастные противопоставления своего опыта и прошлого указывают не столько на полную смену институтов, поддерживающих совмещение занятости и родительства и эксклюзивно родительство (материнство и детство), но на изменения значимости каждого из институтов, изменения правил игры, по которым строится гендерный контракт. Эти правила задаются коммерциализацией и интенсификацией повседневной жизни.

Новая женщина, о которой мечтала Коллонтай, была независимой и самодостаточной. Сегодня также наблюдается растущая автономизация женщин. Сильная автономная женщина хочет планировать сексуальную жизнь, семейные отношения, репродуктивное поведение, деторождение. Она хочет быть финансово независимой и иметь возможность заботиться о близких. При этом сохраняется поляризация гендерных ролей, гендерная революция остается незавершенной.

Мужские роли меняются медленно, мужчины сохраняют преимущественно роли обеспечения: деньгами, безопасностью, матримониальным и родительским статусом. Происходит наложение новых и старых образцов гендерного порядка. Сегодня непроизводительный труд женщин в домашнем хозяйстве проблематизируется. Домашняя забота признается как труд — неизбежный, неотвратимый и затратный. Ощущается дефицит публичной заботы и сложности с реализацией приватной заботы. Дефицит заботы должен быть компенсирован рынком социальных услуг и перераспределением семейных ролей. Часть такого труда передается профессионалам, стоящим на более низкой ступени экономической иерархии. Но другая часть — строительство комфорта, организация быта, уют, забота о себе — достается на долю членов семьи. Женщина остается ответственной за организацию домашнего мира, она становится его менеджером. Эта роль востребована при организации семейного союза. Однако и необходимость организации семьи, которая влечет за собой такие траты, также проблематизирована. Материнство становится частно-семейным делом (хотя государство постепенно усиливает экономическое и идеологическое воздействие на него).

Происходит ли «глобальное похолодание»?

Забота, согласно определению Арли Хохшильд, предполагает взаимную эмоциональную зависимость (связь) между заботящим и получающим заботу. Осуществляющий заботу чувствует ответственность за благополучие включенных в круг близких и выполняет интеллектуальную, психическую и физическую работу, которая чаще всего считается не работой, а проявлением особого персонализированного отношения. Отношения заботы — это отношения взаимозависимости и легитимного взаимного контроля (Hochschild, 2003: 214). В заботе о детях наиболее явно проявляются черты заботы вообще. Дети воспринимаются как нуждающиеся в заботе для выживания и успешной социализации. Родители осуществляют разные гендерные роли, материнская забота отличается от отцовской. В российском контексте сохраняется ролевая поляризация, попытки переопределения ролей и размывания гендерных культурных стереотипов имеют маргинальный характер.

Современное общество заново определяет формы и содержание заботы. В западном контексте тенденции формирования приватного сопровождаются признаками культурного похолодания как непреднамеренного последствия индивидуализма и женской эмансипации. Культурное похолодание — это отказ от заботы при возрастании потребности в ней. Мы имели в виду эту идею, когда анализировали наши данные, особенно те, которые касаются коммерциализации заботы, рационализации интимных отношений, изменения сексуальных сценариев. Хохшильд пишет, что коммерческий дух интимной жизни является культурным кодом современного капитализма (Nochschild, 2003). Об этом говорит и Ричард Сеннет в своей критике приватности (Сеннет, 2002). Дух капитализма сказывается в преобладании практик самоконтроля, следовании своему призванию, активности, целеустремленности, стремлении к успеху. Критики современного капитализма предостерегают от издержек культурного похолодания, связанного с отказом от личной эмоциональной работы и недостатком публичной заботы. Альтернативный более гуманный проект предполагает не только развитие социального государства, уменьшение социальной поляризации, но и пересмотр гендерных ролей. При этом женщины и мужчины, хотя и в разной степени, инвестируют эмоциональную работу в семью и межличностные отношения. Забота включает родительство, которое в России часто осуществляется женщинами в рамках «расширенного материнства». Для этой сферы характерны множественные напряжения, связанные с дисбалансом власти и полномочий, жестким определением ролей, возможностями удовлетворения индивидуальных потребностей, диалектикой личной свободы и зависимости. Мы предполагаем, что в России в высшем среднем классе наблюдаются некоторые эффекты эмоционального «похолодания», поскольку забота выносится за пределы семьи, коммерциализируется. Для большинства среднего класса сохраняется значимость социальных связей и личных отношений, которые устанавливаются даже с теми, кто выполняет наемную домашнюю работу.

Часть заботы становится профессиональной и коммерциализированной. Это забота, которую можно купить и продать, которую осуществляют профессионалы сферы услуг, домработницы и няни. В контексте глобализации новый мировой порядок домашней сферы поддерживается за счет женской миграции и трудоустройства в домохозяйствах не только постиндустриальных обществ, таких как США,

Канада и Западная Европа, но и в странах Центральной Европы и «новых индустриальных странах» Азии (Lan, 2002: 172). Глобальная цепочка заботы выражается в том, что женщины из слаборазвитых стран специализируются на выполнении относительно дешевых услуг по уходу за домом и детьми, давая возможность членам семей, в основном женщинам из развитых стран, заниматься высокооплачиваемой работой и карьерой. Высвобождение женщин в сфере домашнего труда и массовая женская занятость в современных российских условиях также предполагают использование наемного персонала. Мигранты — это теневой и низко оплачиваемый сегмент рынка услуг. Однако в России рабочие места по обслуживанию домохозяйства заполняют не столько географические мигранты, сколько «новые бедные» — низкооплачиваемая интеллигенция, пенсионерки и пр. Наблюдаются эффекты иерархизации заботы как следствия классового расслоения. «Классовые мигранты», обладающие навыками ухода за детьми и социальным капиталом, соответствующим получению этой работы, оказываются в положении эксплуатируемых в тех случаях, если их забота остается непризнанной, низкооплачиваемой и жестко контролируемой.

Материалы исследования

Итак, вместе с трансформацией возникает «новый быт». Его выстраивают представители авангардного сегмента нового российского среднего класса. Мы исходим из конвенционального определения среднего класса, которому следуют, например, Малеева (2003), Радаев (2003). При выделении среднего класса мы опирались на четыре параметра: высшее образование; регулярную занятость; нефизический характер труда; управленческие позиции.

При этом мы выбрали занятых как в частном, так и в государственном секторе на квалифицированных работах и на управленческих позициях. Это группы, которые в западном дискурсе получили название новых средних классов, в российском контексте также являются новыми, потому что они заняты на рабочих местах, которые не существовали в советское время, хотя существовали их аналоги. Новые средние классы состоят из специалистов с высшим образованием. У представителей этой группы есть постоянное место работы, иногда они имеют приработки. Среди наших информантов также есть

люди, обычно относящиеся к «традиционным средним классам», — собственники и руководители малых предприятий. К бизнесу нового среднего класса относят туризм, программирование, мобильные связи, телекоммуникации, образование и пр. В территориальном разрезе социально-профессиональный средний класс формируется неравномерно. В нашем исследовании речь идет о Петербурге, который наряду с Москвой лидирует по его представительству. Особые практики культурного потребления, специфические демографические тренды и развитие рынка социальных услуг также специфичны для этого мегаполиса.

Основную эмпирическую базу исследования составляют биографические глубинные фокусированные интервью, собранные в рамках проекта «Новый быт» (2004—2005 гг., финансовая поддержка Финской АН, проект «Семейные формы и рождаемость в Петербурге», № 208186), а также материалы исследования сексуальности в Санкт-Петербурге 1995 и 2005 гг. В проекте «Новый быт» информанты были представлены двумя социальными слоями; вместе с пилотными интервью массив включает 67 человек. Эти два слоя представляют протагонисты нового быта и представители той группы, которая делает этот быт возможным, продавая услуги по уходу за домом. Протагонисты нового быта — средний и высший средний класс (44 человека). Критериями выборки служили: образование, занятость в негосударственном секторе на позиции профессионалов, менеджеров разного уровня (с некоторыми небольшими исключениями), детность, возраст. Это женщины в возрасте 27—40 лет, 1964—1977 гг. рождения, формативные годы которых приходятся на предперестроечный и перестроечный период. Среди них женщины с детьми до 10 лет и женщины без детей (старше 30—35 лет). Выбор семей осуществлялся по критерию регулярного использования наемного домашнего труда (няни и домработницы, «ремонтники»). Информантки представляли разные типы домохозяйств и гендерных ролей: 1) незамужние карьерно-ориентированные женщины, с детьми и без детей (15 случаев), 2) семьи с двумя занятыми (16 случаев), 3) домохозяйства с разделением ролей домохозяйки и кормильца (13 случаев).

Вторую группу информантов составили те, кто делает возможным строительство нового быта — «профессионалы», «новые бедные» (10 нянь и 9 домработниц). Критериями данной подвыборки являются пол (18 — женщины), возраст (от 25 до 60 лет), занятость — наемный домашний труд, наличие детей (у 17 информанток).

Второй эмпирический массив данных получен в рамках проекта «Сексуальные и репродуктивные практики в России: свобода и ответственность (Санкт-Петербург, начало XXI в.)», его финансовая поддержка осуществлена Гендерной программой факультета политических наук и социологии ЕУСПб и Фондом Форда в 2005 г. Сексуальные биографии двадцати женщин и десяти мужчин двух возрастных когорт (от 17 до 25 лет, от 30 до 45 лет) были собраны методом глубинных интервью. Из тридцати опрошенных 20 человек принадлежат к среднему классу (12 женщин и 8 мужчин), 10 — к низшему среднему классу. Кроме того, ряд статей опирается на собственные полевые исследования авторов. В каждом случае описание данных приводится в статье.

Данная коллективная монография состоит из трех частей, каждая из которых составляет некоторое содержательное единство. В первой части обсуждаются изменения идентичности и процессы формирования новой женщины с ее автономной стратегией. Исследователи анализируют новые тенденции российского гендерного порядка, которым сопротивляется советская архаика, рыночные структуры, консерватизм и монетаризм политиков, консервативная медицина.

В создании новой приватности артикулируется значимость сексуальности. *Анна Тёмкина* анализирует тенденцию повышения сексуальной активности и ответственности женщин, возрастание значимости партнерских (эгалитарных) отношений. Постсоветское поколение городских женщин проявляет в сексуальной сфере рациональность, компетентность, оно ориентируется на практики сексуального удовольствия. Их сексуальная жизнь выстраивается как проект, в отличие от поколения матерей, сексуальные биографии которых во многом определялись как судьба и результат обстоятельств. Данный проект ориентирован на партнерство. Это аргумент в пользу эгалитарных гендерных изменений. Но есть и контртенденция — гендерная Вандея, где двойной гендерный стандарт и гендерная поляризация не только сохраняются, но и утверждаются как единственная и естественная норма. Двойной гендерный стандарт выражается в различиях предписаний по признаку пола, влекущих за собой структурное неравенство гендерных групп прежде всего центральной дихотомии — мужчин и женщин. В сфере (гетеро)сексуальных отношений двойной стандарт предполагает, что нормы мужской сексуальности являются более либеральными, чем нормы женской. В новом поколении сохра-

няются многие советские практики подчиненной сексуальности женщин, а их рациональное поведение сталкивается с барьерами, которые достаточно сложно преодолеть: женщинам не хватает знаний, они не используют подходящую им контрацепцию; планирование сексуальной жизни и репродуктивных практик срывается из-за внешних обстоятельств, и пр. Сохраняется традиционализм и мужчин, и женщин, воспроизводится гендерная поляризация. Она воплощается и в более широком разделении гендерных миров, где от мужчины ожидается функция кормильца, гаранта безопасности и сексуального эксперта, а от женщины — сексуальное, бытовое и эмоциональное обслуживание. Гендерная сегрегация/поляризация поддерживается традиционалистскими дискурсами и практиками, институциональным обеспечением «работающей матери» и игнорированием мужской роли в приватной сфере (в том числе отцовства).

О новой женщине пишет в своей статье *Ольга Чепурная*. В современной России появляется новая риторика самопрезентации женщин, склонных рационализировать свой жизненный опыт, размышлять о границах своей независимости. Автономные женщины ищут новые пути организации быта, профессиональной и семейной жизни. Они делают образовательные и карьерные выборы, рационально планируют свое время, обретают экономическую независимость, с большой осторожностью подходят к выбору супругов. Эти женщины планируют деторождение и берут на себя ответственность за воспитание детей, выбирают партнеров и сознательно выстраивают отношения. Для них важен баланс самостоятельности и эмоциональной включенности в отношения, баланс свободы и многообразной взаимной зависимости близких людей. Личная автономия предполагает развитие ответственных отношений с другими людьми. В женской стратегии автономии сочетается рациональное управление эмоциональной жизнью и потребность в эмоциональной теплоте любовных отношений. Многие современные женщины готовы к рискам, связанным с вложением эмоционального капитала. Однако невозможно говорить об автономии современной российской женщины как о целостной жизненной стратегии, которая скорее является ситуативной и эпизодической. Стратегии проблематизированы в частной сфере интимных партнерских и родительских отношений. Автономная женщина считается неустроенной, одинокой, несчастной как представителями старшего поколения, так и ровесниками, следующими более традиционным сценариям.

Итак, российские трансформации влекут за собой изменение женской роли и идентичности, смену гендерного порядка. Изменяется институциональная поддержка контракта работающей матери. В статье *Елены Здравомысловой* речь идет о коммерциализации заботы и профессиональных ролях нянь. Исследовательница показывает, что возрастающий спрос на оплачиваемый домашний уход за детьми в значительной степени удовлетворяется неформальным рынком труда. И няни, и молодые мамы проявляют заинтересованность в неформальном контракте. Это связано и с доверительным характером услуги, и со значимостью персонализированных отношений доверия в случае купли-продажи заботы. Неформальный контракт имеет свои преимущества. К ним относится переговорный характер всех условий найма, возможность безоговорочного разрыва устного соглашения, не влекущего за собой никаких санкций. Неформальный характер договора предполагает символическое признание домашнего труда в виде дополнительных выплат, подарков, предоставления услуг социального характера. Именно поэтому няни в основном не воспринимают свою работу как эксплуатацию, хотя структурно она, несомненно, оказывается таковой. Такие отношения рассматриваются няней как эксплуатация в том случае, когда наниматели нарушают негласные нормы уважительного взаимодействия и ведут себя с нянями как помещики с крепостными дворовыми. Мамы и няни своими отношениями воспроизводят женский мир заботы. Но при этом усиливается гендерная стратификация, разделяющая женщин, принадлежащих к разным социальным классам.

Оплачиваемый домашний труд как феномен нового быта находится в центре внимания исследования *Ольги Ткач*. Современные процессы «коммерциализации заботы» существенным образом отличаются от организации бытового обслуживания, принятой в советском обществе. Увеличение спроса на оплачиваемый домашний труд — это общемировой процесс, однако в России он имеет свои особенности. Спрос на такой труд растет за счет резкого социального расслоения российского общества. В отличие от мировой практики рынок оплачиваемого домашнего труда в России развивается в значительной степени благодаря внутренним ресурсам, хотя наблюдается массовое вовлечение мигранток (в основном из стран СНГ) в сферу услуг по уходу за домом. Сегмент теневого рынка домашнего персонала составляют женщины, не обладающие достаточным уровнем квалификации и образования для поиска иных видов занятости.

В современный неформальный рынок услуг по уходу за домом инкорпорирована исторически сложившаяся практика использования социальных сетей в сфере инструментальной и эмоциональной заботы о доме и семье. Гендерное разделение домашнего труда приобретает форму контракта, который задает неформальные правила коммуникации двух женщин — работодательницы и домработницы. Ольга Ткач рассматривает два типа гендерного контракта — «уборщица» и «помощница». Контракт «уборщица» предполагает сценарий профессионализации наемного домашнего труда. Нанимая *уборщицу*, хозяйка покупает рыночную услугу, а с ней — определенную степень освобождения от домашнего труда. Контракт «помощница» основан на концепции псевдородственных отношений. Помимо инструментальной, от *помощницы* ожидается эмоциональная забота о членах домохозяйства. Здесь наряду с благоустроенным бытом хозяйка покупает дополнительный комфорт, эмоциональную поддержку и дружескую помощь. Исследование демонстрирует, что хотя представительницы среднего класса и освобождаются от многих работ, на их ответственности остается поиск и найм помощников, организация быта и эмоциональная работа по установлению и поддержанию отношений с домработницей. Соответственно концепция нового быта включает в себя женский менеджмент домашней сферы и иерархизацию домашней заботы.

Вторая часть монографии включает статьи, посвященные новым практикам потребления, формированию физического домашнего пространства и стратегиям его реконструкции. Исследователи показывают, что в конце XX в. в постсоветской России развивается общество потребления. Оно утверждает себя на фоне выраженной социальной поляризации, с видимыми в публичном пространстве проявлениями нищеты, бедности и стратегиями экономии. *Борис Гладарев* и *Жанна Цинман* исследуют новые потребительские практики среднего класса, которые противопоставляются советским образцам. Средний класс формирует потребительские стратегии, которые имеют перспективный и долгосрочный характер и призваны обеспечить экономическую стабильность бытия. «Средние русские» в первую очередь вкладывают ресурсы в недвижимость, образование (свое и детей) и здоровье. Они ориентируются на (часто мифологизированные) стандарты образа жизни среднего класса богатых западных стран: коттеджи, дорогое образование детей, наемный домашний труд, потребление «культурных ценностей». С другой стороны, прослеживается ориентация

на «потребительское славянофильство». В интервью воспроизводятся референции к стилистическим образцам русской дворянской усадьбы XIX в. (представления о «хорошем образовании», «верные Арины Родионовны» и пр.), которые часто также мифологизированы. Кроме того, при общей направленности среднего класса на приобретение долгосрочных товаров и услуг огромное значение придается комфорту и гедонистической интерпретации потребления.

Новый быт — это новое домашнее пространство. Как показывает *Лариса Шпаковская*, приватное домашнее пространство противопоставлено публичному. Оно ассоциируется с отдыхом, досуговыми практиками и интимным общением. Особый тип «домашнего», естественного поведения отличается от публичного. Пространственная организация современного дома связана с наличием внешней и множества внутренних границ, отражающих ролевые разделения в семье, а также статусы ее членов. Существование современного дома конституируется различными, в том числе противостоящими друг другу, домашними практиками, напряжение между которыми ощущается информантами. Дом предполагает отдых, совместный досуг, общение. Но он становится и местом конфликтов по поводу разделения домашнего труда и домашнего пространства. Дом рассматривается как личное пространство членов семьи, но быт невозможен без присутствия «посторонних людей» — наемных работников (няни, домработницы, рабочие, ремонтные рабочие). С одной стороны, дом является семейным проектом и в этом смысле представляет возможность реализации личных вкусов, пристрастий его обитателей, а с другой — этот проект является примером стандартизированного потребления, навязанного медийными образцами.

Важнейшим средством строительства нового быта является реконструкция жилья. *Татьяна Андреева* рассматривает ремонт как стратегию обустройства домашнего пространства. При строительстве нового быта средний класс ориентируется на так называемый евростандарт. Конвенциональные представления о западных образцах обустройства пространства становятся эталонными, они рассматриваются как символы современности, достойного уровня жизни и успешности. Для их достижения необходимо дистанцировать себя от советского стиля потребления, уйти от обстановки дефицита. Желание продемонстрировать принадлежность к определенной социальной группе, идентифицировать себя с европейским потребителем побуждает многих информантов реорганизовать свою до-

машинную сферу. При этом новый стиль сохраняет черты советского наследия, о чем свидетельствует поиск специалистов «по знакомству», осуществление ремонтных работ «своими силами», отсутствие правового оформления сделок. Стратегии привлечения специалистов тяготеют к использованию ресурсов неформальных связей и характеризуются большим количеством рисков и конфликтов. Демонстративность потребления сочетается со стратегией экономии, когда осуществляется попытка достичь желаемого с наименьшими финансовыми затратами. Смешение стилей и эпох, привнесение новых элементов в «старое» пространство отражают противоречивость не до конца сформировавшейся потребительской культуры.

Третья часть монографии посвящена изменениям в сексуальной и репродуктивной сферах.

Изменения повседневности подразумевает трансформацию сферы интимности. Новые проявления сексуальности — рефлексивны, индивидуалистичны и плюралистичны. Они ориентированы на ценность удовольствия. Однако в этой сфере, как и в других, происходит наложение и попытки переговорного согласования старых и новых образцов. Это сфера морализаторства и диктата профессионалов, экспертных оценок и индивидуального выбора, подсчета затрат и выгод, оценки ситуации и выбора оптимальной стратегии.

Наталья Яргомская показывает, что в среднем классе — авангардном в сексуальных практиках — женщина обретает субъектность, расширяет возможности реализации своих сексуальных потребностей и желаний. Изменяются роли женщины и мужчины в сексуальном дебюте. Дискурс о гименопластике представляет женщину как субъекта, который получает возможность управлять своей сексуальной биографией, приспосабливаясь к культурным контекстам, которые часто оказываются патриархатными и предполагают двойной сексуальный стандарт. Инструкция по «правильной дефлорации» задает рамки поведения партнера в ситуации первого сношения. Сексуальная эмансипация приводит к изменениям мотивации сексуального дебюта. В гендерно асимметричном дебюте женщина выступает либо как альтруистка, приносящая в дар свою девственность, либо как собственница дорогого и редкого в современном обществе товара. Новый сценарий сексуального дебюта оказывается более «культурно теплым», чем традиционный брачный, так как субъективизирует женское удовольствие, лишает девственность ценности, вовлеченной в обмен, и востребует эмоциональную работу обоих партнеров. Если

женщина преодолевает отчуждение по отношению к своему телу, то расставание с невинностью перестает быть травматичным опытом смены сексуального статуса, а становится шагом на пути создания ответственных сексуальных отношений.

Мери Лариваара анализирует повседневную работу гинекологов женских консультаций Санкт-Петербурга. Взгляды и практики гинекологов транслируют представления о «правильной» женственности, которые и стары и новы одновременно. Врачи продвигают представление об ответственной и сознательной матери, прилагающей все усилия для поддержания благополучия в семье. Но не все женщины ответственно относятся к репродуктивному здоровью. Гинекологи считают, что корни проблем следует искать в общем неудовлетворительном состоянии здоровья женщин, их невежестве, равнодушии к своему здоровью, в моральных проблемах. Врачи предъявляют моральные требования к современной женщине — ответственное отношение к здоровью и нравственный уровень женщины оказываются в их представлениях неразрывно связаны. Ожидается, что «культурная современная женщина» будет следовать советам экспертов о подходящих способах контрацепции, а прерывание беременности должно иметь причины, легитимные с точки зрения врача. Лишь немногие, преимущественно молодые врачи, ориентируются на индивидуальный опыт женщины. Однако внимание врачей в целом фокусируется именно на женском опыте: прерывание беременности рассматривается с точки зрения женщины, без привлечения, например, мужа, расширенной семьи или интересов нерожденного ребенка. Гинекологи не используют риторику «вымирания нации» или дискурс «в защиту жизни».

Рефлексивная сексуальность предполагает взаимный контроль и безопасность. *Настя Мейлахс* анализирует практики предохранения в зависимости от режима отношений между партнерами. Исследовательница выделяет режим случайных связей и режим привычной сексуальной близости. Контекст случайных связей предполагает иерархию сексуальных статусов партнеров по критерию доверия. В этом случае действуют конкретные механизмы и индикаторы «надежности» партнера, благодаря им индивидам удастся создать иллюзию снижения сексуальных рисков. В режиме привычной близости осознание риска незапланированной беременности значительно снижается, а риски, связанные с заболеваниями, передающимися половым путем (ЗППП), считаются несуществующими. Коммуника-

ция между постоянными партнерами предполагает «понимание без слов», а не ведение открытых переговоров, уместных в публичных ситуациях. При этом «незаметность» переговоров не свидетельствует об отсутствии соглашения или о пренебрежении ответственностью со стороны одного из партнеров. Выбор средств предохранения и воспитание взаимной ответственности формируются во время постепенного приспособления партнеров к физическим и психологическим особенностям друг друга и в процессе разделения гендерных ролей.

Строительство нового быта и новой интимности мы связываем в первую очередь с новым средним классом. Однако изменения происходят и в других социальных слоях, процесс формирования новой приватности оказывается социально стратифицированным. Новому быту среднего класса противопоставлены интимные практики бедных слоев. Как показывает *Светлана Ярошенко*, инерция гендерного разделения обязанностей в домашней сфере, «классовые» ограничения в исполнении роли основного кормильца в слое «новых бедных» повлекли за собой кризис семьи, невозможность компенсировать женские чувства и заботу более высокой заработной платой мужа. Домашняя экономика выживания, с одной стороны, потребовала объединить усилия партнеров в преодолении нужды, а с другой — выявила социальные пределы эмоциональной и чувственной близости. Обменные отношения начали распространяться на сексуальную сферу. В условиях бедности происходит переосмысление любви и секса, которые становятся «прагматически ориентированными». Вынужденное нарушение гендерных норм, сохранившихся с советского времени, обозначило возникшую дистанцию между браком, сексуальностью и любовью. Разрыв между прежними требованиями и условиями выживания становится все более заметным. «Доверие» и «надежность» партнера остаются значимыми для женщин, а женская «внешняя привлекательность» и «домовитость» — для мужчин. Однако прежние основания близости оказались подорванными из-за несостоятельности мужчин в роли кормильцев и в качестве сексуальных партнеров. Женщины проявляют недовольство инерционностью мужей и их неспособностью соответствовать гендерной роли. Такое недовольство не только означает кризис, но и становится стимулом для переосмысления любви в сложных экономических и семейных условиях и гендерного уклада семьи в целом. Если семьи «выживают», то семейные роли начинают меняться в сторону эгалитарности.

В процессе переосмысления и реорганизации приватности как интимности претерпевают изменения репродуктивные практики, институты и дискурсы. Современные женщины изменяют отношение к деторождению и уходу за новорожденным. Мужчины более активно включаются в эмоциональную работу и заботу. Практики становятся более осознанными и вариативными. Однако не существует конвенциональной модели репродуктивного поведения. Стратегии остаются ситуационными, тактическими, их пределы задают институциональные и политические рамки. Медицина остается институтом, диктующим свои правила. Однако и в ней возрастает чувствительность по отношению к потребностям новых, более требовательных, клиентов медицинских услуг.

Тему репродуктивного поведения продолжает статья *Анны Роткирх* и *Кати Кессели*. На материалах демографической статистики и биографических интервью они анализируют решения петербургских женщин по поводу деторождения. Авторы интересуются, как обосновывают женщины свои решения в биографических интервью и как их ответы выглядят в контексте падения рождаемости в России, и в особенности в Петербурге, в 1990-е гг. Особенное внимание уделяется влиянию социальной среды на представление людей о том, сколько детей «можно» и нужно иметь. В современном российском обществе наблюдаются сдвиги в оценках желаемого количества детей и их места в жизненном цикле. Меняется представление о том, что естественно и нормально в репродуктивной сфере, о том, когда рано и когда поздно «заводить детей». Исследование показывает: несмотря на то что отношение к материнству стало более гибким и рефлексивным, рождение первого ребенка практически не планируется и не проблематизируется. Второй ребенок — это дело тщательного планирования и серьезных рациональных калькуляций. Появление же третьего ребенка воспринимается двойственно: как потенциальная угроза социальному благополучию семьи или как признак ее высоко-го социального и морального благополучия.

Анна-Мария Исола исследует официальный российский демографический дискурс о семье. Снижение численности населения в России вызвало сильную озабоченность проблемами рождаемости на федеральном уровне, среди представителей неправительственных организаций и в повседневном дискурсе. В 2006—2007 гг. была сформулирована новая национальная программа, направленная на улучшение, семейной политики и повышение семейных пособий.

Исследовательница анализирует политическую риторику проблем рождаемости и семьи. Обсуждая проблемы рождаемости, российские власти придерживаются прагматической точки зрения. Для повышения в будущем репродуктивного потенциала они стремятся, с одной стороны, адресовать бóльшую экономическую поддержку семьям, с другой стороны, расширить спектр социальных возможностей подрастающего поколения. Сконструированные категории, такие как «неблагополучные семьи» и «талантливые дети», и подкатегории, такие как «семьи с одним родителем» и «многодетные семьи», помогают адресовать экономическую и социальную поддержку непосредственно целевым группам. Сравнение дискурса об идеальной двухдетной семье с дискурсом о многодетных семьях показывает, что ассоциации, связанные с многодетными семьями, обычно негативные и стигматизирующие. Вследствие этого риторически идеальная семья — это двухдетная матрифокальная семья, а не семья с большим количеством детей, т. к. именно в ней сконцентрированы экономические трудности, проблемы со здоровьем и низкая культура родительства. Такой идеал позиционируется политиками как прагматически достижимый. В этом смысле прагматическая демографическая политика властей и их риторика не противоречат желаниям российских женщин, которые в большинстве своем ориентированы на материнство.

Материнство конструируется экспертными институтами. Риторика политиков и экспертиза врачей вносят свой вклад в конструирование материнского опыта.

На материалах самоэтнографии *Ольга Бредникова* размышляет о смыслах, приписываемых *молодости* и *старости* в процессе беременности—родов, и рассматривает отношения власти, которые реализуются при использовании этих номинаций. *Старость* проблематизируется через тело, а *молодость* через дефицит опыта субъекта. *Старость* более уязвима, поскольку опыт и компетенция достижимы, а порог *старости* в репродуктивной медицине отодвинуть гораздо сложнее. Возрастные категории позволяют манипулировать статусом беременной, вызывая у нее соответствующие когнитивные и аффективные реакции и направляя на осуществление «правильных» действий. После родов «старородящая» женщина приобретает статус молодой матери, и это превращение делает ее объектом обучения авторитетных врачей и затрудняет осуществление автономных стратегий самоконтроля. Новые тенденции автономной женщины предполагают сознательный контроль своего выбора и действий, а также

контроль над публичными институтами, испытывающими дефицит доверия со стороны граждан.

В России за последние десять лет все большее распространение получили семейные роды. Со второй половины 1990-х гг. появились новые институциональные возможности, позволяющие обеспечивать более активное вовлечение отца в эти процессы. Как показывают *Евгения Ангелова* и *Анна Тёмкина*, существуют разные модели участия отца в родах — активное участие как сознательный гендерный проект и ситуативное (формальное) участие. Для обеих моделей характерно стремление восполнить дефицит институционального доверия, связанный с системой родовспоможения. Однако способы преодоления недоверия различаются. В модели гендерного проекта в дородовый период партнеры занимаются поиском информации, посещают курсы подготовки к родам, устанавливают доверительные отношения с акушеркой. Ко времени наступления родов недоверие уже во многом преодолено. Отец в такой ситуации — это партнер, эксперт, его присутствие означает совместное переживание опыта, который осознается как значимый для дальнейшей жизни семьи. Оно компенсирует недостатки организации ухода в родильном доме. Для модели ситуативного участия характерна стратегия получения формальных гарантий. Проблема недоверия остается актуальной во время родов, присутствие отца в роли контролера или наблюдателя имеет важное функциональное значение обеспечения надзора и достижения безопасности. Меняется структура родительства — роли матери и отца перестают быть жестко заданными. В первом случае для пары характерно отсутствие жесткого гендерного разделения труда, родительские роли выступают предметом постоянных переговоров и сотрудничества между супругами. Для второй модели характерно более традиционное гендерное разделение ролей, поляризация материнства и отцовства.

В сфере репродуктивных практик и практик по уходу за новорожденным существуют малозаметные изменения, оставшиеся за пределами публичного обсуждения. *Дарья Одинцова* в своей статье анализирует отказ от пеленания новорожденных как симптом культурного переосмысления категории новорожденного, изменения логики взаимодействия матери и медицинских институтов, а также перехода к новому стилю потребления, включающего использование широкого ассортимента товаров для грудных детей. Более полувека тому назад М. Мид сформулировала знаменитую «пеленальную гипотезу», утверждая, что необычайно длительный период пеленания младенцев

оказывает существенное влияние на складывание русского национального характера. Такого рода влияние производится этой практикой в том случае, если она вписана в контекст общих культурных стандартов (Mead, 1954: 395, 398). Д. Одинцова рассматривает практики пеленания советского и современного периодов в контексте медицинского знания, институциональных правил медицинских учреждений и бытового обоснования пеленания. Патернализм медицинских институтов и бытовой минимализм, характерные для советского общества, сказались и в практиках ухода за младенцами. Индивидуализация ухода за новорожденным, переход к новому стилю потребления обусловили реконфигурацию практик ухода. Отказ от пеленания предполагает изменение культурной модели младенчества. С первых дней жизни новорожденный мыслится как лицо, наделенное индивидуальными потребностями, схожими с потребностями взрослого человека, и соответствующими правами. Все короче период пеленания, все меньше распространена эта практика. Одевая младенцев в соответствии со своими вкусами и возможностями, родители демонстрируют свой статус и свои представления о надлежащем уходе за младенцем.

В монографии анализируются разные аспекты нового быта — от организации домашнего пространства до пеленания детей. Все они свидетельствуют о формировании буржуазной приватной сферы, существование которой подразумевает личную свободу, развитие рынка социальных услуг, ценность интимности и изменение гендерных ролей. Этот проект захватывает авангардный слой городского среднего класса и развивается на фоне социального расслоения, иерархизации заботы и коммерциализации повседневности. Социальные конфликты будут пронизывать новый быт, но этот проект имеет гораздо больше шансов на реализацию, чем утопия коммунистического нового быта, о котором мечтала Александра Коллонтай. Она могла бы ужаснуться, увидев господство индивидуализма и отсутствие солидарности, жесткую конкуренцию и классовую поляризацию в современной России. В то же время рефлексивные поиски молодых людей, изобретательность женщин нового тысячелетия обрадовали бы и удивили ее.

Елена Здравомыслова, Анна Роткирх, Анна Тёмкина

Литература

- Бек У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
- Волков В. (1997). Общественность: забытая практика гражданского общества, *Pro et Contra*, т. 2, № 3, с. 77—91.
- Гидденс А. (2004). *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. М.; СПб.: Питер.
- Коллонтай А. (1923). Революция быта, в кн.: *Труд женщины в эволюции хозяйства*. М.; Пг. Перепечатано в кн.: *Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай*. Тверь: ФеминистПресс—Россия, 2003.
- Лотман Ю.М. (1994). *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)*. СПб.: Искусство—СПб.
- Малеева Т., ред. (2003). *Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии. Центр Карнеги*. М.: Гендальф.
- Радаев В. (2003). Введение, в кн.: *Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии. Центр Карнеги*. М.: Гендальф.
- Сеннет Р. (2002). *Падение публичного человека*. М.: Логос.
- Тёмкина А., Роткирх А. (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социс*, № 11, с. 4—15.
- Хархордин О. (2002). *Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности*. СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад. (Труды ф-та политических наук и социологии; Вып. 5).
- Яницкий О. (2004). *Социология риска*. М.: LVS.
- Bailey J. (2000). Some Meanings of 'the Private' in Sociological Thought, *Sociology*, N 34, p. 381—401.
- Crompton R. (1999). Discussion and Conclusions, in: R. Crompton, ed., *Restructuring Gender Relations and Employment. The Decline of the Male Breadwinner*. Oxford; New York: Oxford University Press, p. 200—214.
- Hochschild A. (2003). *The Commercialization of Intimate Life. Notes from Home and Work*. Berkeley; London: University of California Press.
- Lan P.-Ch. (2002). Among Women: Migrant Domestic Workers and Their Taiwanese Employers Across Generations, in: B. Ehrenreich, A. Hochschild, eds., *Global Women. Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*. London: Granta Books, p. 169—189.
- Mead M. (1954). The Swaddling Hypothesis: Its Reception, in: *American Anthropologist. New Series*, vol. 56, N 3 (June), p. 395—409.
- McCarthy Edwards (2001). Illuminating Meanings of «the Private» in Sociological Thought: A Response to Joe, *Sociology*, N 35, p. 765—777.
- Weintraub J. (1997). The Theory and Politics of the Public/Private distinction, in: J. Weintraub, K. Kumar, eds., *Public and private in thought and practice: perspectives on a grand dichotomy*. Chicago: University of Chicago Press, p. 1—42.

Часть 1

**НОВАЯ ЖЕНЩИНА:
ГЕНДЕРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ
ДОМАШНЕГО ТРУДА**

